

Когда голова Жуань Мяньмянь слегка кружилась, его уже незаметно перенесли и усадили на бортик ванны. Холод кафельного пола заставил его вздрогнуть, и лишь после этого он окончательно пришел в себя.

— Ты... ты, не надо... Что со мной вообще происходит?! — с трудом выдохнул Жуань Мяньмянь. Под прозрачной рубашкой проступали покрасневшие соски, что сильнее распаляло И Пиньго и действовало на все его нервы.

— Ты отравился возбуждающим средством, — ответил И Пиньго. Казалось, он предвкушал, как лежащий перед ним мужчина полностью ему подчинится, поэтому действовал неторопливо и методично, расстегивая пуговицы рубашки и бесцеремонно касаясь кожи, о которой так долго мечтал.

— Тогда... дай мне противоядие...

— Противоядие? — усмехнулся он, словно услышав нечто забавное, но всё же нежно поцеловал покрасневшую щеку Жуань Мяньмяня, а затем проговорил хриплым голосом, полным греховного магнетизма: — Я и есть твоё противоядие...

— Ах...

Рука И Пиньго постепенно скользнула под брюки Жуань Мяньмяня и слегка сжала его плоть. Из-за действия препарата мужчина гладил и ласкал его практически без сопротивления. Незнакомое наслаждение грозило захлестнуть с головой, выжигая последние остатки здравого смысла у Жуань Мяньмяня. Он был не в силах сопротивляться дерзким движениям мужчины и даже издавал едва слышные звуки, выдавая свое согласие.

Словно воодушевленный этим, И Пиньго, чей взгляд полыхал от вожделения, был уже на грани срыва. Он резким движением распахнул оставшиеся пуговицы рубашки, обнажив его безупречную, подобную нефриту грудь, чей сияющий блеск вызывал жгучее желание.

Он уже собирался склониться, чтобы оставить на коже свои метки, как вдруг раздался совершенно неуместный звук. Это был внутренний телефон, который звонил только в экстренных случаях.

И Пиньго не хотел обращать на него внимания, но звонок продолжался с таким упорством, что ему пришлось прерваться и оставить изнывающего в ожидании наслаждения мужчину. Поднявшись, он подошел к краю ванны и снял трубку. Его голос звучал холодно и зловеще, напоминая демона из преисподней: — Лучше бы у тебя и правда было что-то срочное!

— Господин принц, вашей матери внезапно стало плохо из-за инфаркта, ее срочно везут в больницу, пожалуйста, немедленно приезжайте!

— Что?! — И Пиньго никак не мог взять в толк, почему у его всегда здоровой матери вдруг начались проблемы с сердцем, но времени на раздумья уже не оставалось.

— И... еще...

— Говори всё сразу! — взревел разъяренный И Пиньго, доведенный до предела, а на его висках запульсировали вены.

— Кроме того... генерал... он... он из-за случившегося с госпожой перенес инсульт... его тоже экстренно спасают в больнице!

— Не паникуйте, я скоро буду! А до моего приезда заставьте всех замолчать и не мешайте врачам бороться за их жизни! — при мысли о той банде не в меру суетливых родственников И Пиньго мгновенно взял себя в руки.

Закончив разговор, он полностью вернул себе прежнее невозмутимое выражение лица, словно ни капли не переживая за находящихся в больнице близких. Он лишь бросил на свернувшегося клубочком человека сверху вниз холодный, полный жестокости взгляд.

И Пиньго подхватил Жуань Мянмяня на руки. Возможно, почувствовав знакомый запах и прикоснувшись к прохладной груди И Пиньго, Жуань Мянмянь вцепился в него мертвой хваткой, словно осьминог, и принялся тереться о него, возвращая угасающий жар.

Уложив его на большую кровать в спальне и продолжая дразнить и без того чувствительное тело Жуань Мянмяня, И Пиньго посмотрел на него свирепым взглядом, в котором таилось глубокое, всепоглощающее желание, темное и бездонное, как омут: — Дождись меня... Если ты умрешь... то только на моей постели!

Он убрал с лица Жуань Мянмяня пряди влажных волос и с благоговейным трепетом поцеловал в лоб.

Сбросив полотенце, И Пиньго переодевался, не сводя глаз с изнывающего от жара Жуань Мянмяня на кровати, и лишь когда вошел дворецкий, дядя Ли, негромко произдал: — Дай ему противоядие, пусть хорошо отдохнет, и чтобы никто его не беспокоил.

— Слушаюсь, молодой господин! — Дворецкий с бесстрастным видом посмотрел на мужчину, которого его господин впервые привел в дом, и который, к тому же, оказался молодым господином из Клана Бай... Нынешняя молодежь...

Молча опустив голову, дядя Ли сделал вид, что ничего не заметил.

Как только вертолет И Пиньго улетел, к воротам Клана И подъехала черная бронированная военная машина. Из нее вышел человек, один топот которого мог бы вызвать землетрясение и цунами — Бай Сяо.

С места водителя выбрался невзрачный слуга, больше похожий на тень. Он молча склонился и последовал за Бай Сяо.

— Ха! — окинув взглядом здание, холодно усмехнулся Бай Сяо. — Спрятались довольно надежно... Ну что ж, пойдём, мой дорогой сынок уже ждет, когда я как следует приласкаю его, нельзя же заставлять его ждать слишком долго!

Сразу после ухода И Пиньго Жуань Мянмянь медленно открыл глаза. Голова гудела и кружилась, он с трудом приподнялся на локтях и огляделся. Это что... вилла И Пиньго?

Как холодно... И почему на нем совсем нет одежды?

Обрывки воспоминаний хлынули в сознание Жуань Мянмяня. Он... кажется, сам умолял о близости... Нет, как такое могло произойти...

Не в силах бороться с накатывающей усталостью и слабостью во всем теле, Жуань Мянмянь снова бесчувственно рухнул на кровать. Последняя крупика разума сорвалась с его губ слабым шепотом: — Папа... спаси... меня...

Едва Бай Сяо вошел на виллу, как ему навстречу шагнул дядя Ли: — Вы кто такие?! Как вы смеее здесь появляться, это частные апартаменты!

Бай Сяо даже не потребовалось отдавать приказ или достаивать незнакомца взглядом.

Слуга, шествовавший позади Бай Сяо, мгновенно применил гипноз. Взгляд дяди Ли из осмысленного постепенно затуманился и стал пустым, пока в конце концов он не превратился в послушную марионетку, готовую выполнять любые приказы.

Заметив однажды у собственного сына способность гипнотизировать окружающих, Бай Сяо почти сразу же привлек лучших мастеров гипноза со всего мира, чтобы по одному подрезать крылья мальчику и заставить его принадлежать только ему одному.

— Избавься от него чисто, — небрежно бросил Бай Сяо, совершенно не заботясь о том, что именно скрывается за этими словами.

— Есть! — слуга опустил голову, считая это само собой разумеющимся.

Оказавшись в одиночестве в комнате, где находился Жуань Мянмянь, и глядя на его тревожный сон, Бай Сяо расплылся в улыбке, способной вытянуть душу.

Возможно, этот леденящий душу взгляд, напоминавший ядовитую змею, заставил Жуань Мянмяня приоткрыть глаза. Несмотря на бушующие остатки наркотика, рассудок начал возвращаться к нему, туман в глазах рассеялся — и перед ним предстал не кто иной, как Бай Сяо!

Он уже было обрадовался, собираясь встретить прибывшего на помощь отца, но эта прекрасная иллюзия тут же развеялась.

Мужчина грубо стащил его с кровати и поволок по полу. Не успел Жуань Мянмянь прийти в себя, как его уже тащили за собой: — Папа... Разве ты пришел не спасти меня?

Мужчина лишь холодно усмехнулся от этого зрелища, от которого кровь стыла в жилах: — Попасться в такое место к другому мужику и едва не стать его добычей — и ты еще рассчитывал, что твой собственный отец придет тебя спасать? Малыш, тебе требуется повторное воспитание...

— Чт... что ты хочешь сделать?

— Разумеется, как следует приласкать тебя!

Жуань Мянмяня снова швырнули в бассейн. Захлебнувшись пару раз, он вмиг прогнал все остатки сна. Глядя на мужчину, стоявшего на бортике, он почувствовал, как его сердце уходит в пятки, а душу затапливает липкое предчувствие беды.

— Ну что ж, начнем! — Бай Сяо присел на корточки, разглядывая стоявшего в воде сына. Его дрожащий вид и мокрые волосы напоминали котенка, выпустившего коготки, что пробуждало извращенное желание растоптать его.

В дверях ванной комнаты внезапно появился тот самый слуга, который следовал за Бай Сяо.

Он вошел в воду и поволок ослабевшего, раскисшего Жуань Мянмяня к краю бассейна. Внезапно всё погрузилось во тьму: Жуань Мянмянь почувствовал, как ему завязали глаза

плотной повязкой. Он ничего не видел, а его руки беспомощно зашарили вокруг, пытаясь за что-нибудь уцепиться, но все было напрасно.

С его жестоким и холодным взглядом Бай Сяо казался настоящим вестником смерти.

— Я твой сын, Бай Сяо!!

— В тебе течет моя кровь, так что ты принадлежишь мне по праву рождения! — Бай Сяо было наплевать на слова парня, ему нравилось медленно ломать его, превращая свирепого маленького леопарда в покорное создание по своему вкусу.

— Извращенец! Ты горишь в аду!

— Я давно жду тебя на самом дне ада!

В какой-то момент на Жуань Мянмянь не осталось ни единой нитки одежды — с него сорвали даже нижнее белье, выставив напоказ, словно ощипанную курицу. Одну из его рук накрепко привязали галстуком к перилам у бассейна. Казалось, в комнате больше не было ничего присутствия.

Почувствовав приближение Бай Сяо, Жуань Мянмянь затрясся всем телом: — Ты... ты же мужчина, остановись!

— Тот, кто останавливается в такой момент — вовсе не мужчина. Малыш, я твой отец, а ты — мой единственный ребенок.

С этими словами, не обращая внимания на отчаянное сопротивление Жуань Мянмяня, он широко раздвинул его ноги, выставив напоказ все самые сокровенные места перед лицом мужчины и доводя парня до безумия от стыда.

Столь соблазнительный вид заставил греховное пламя Бай Сяо вспыхнуть с новой силой. Если бы не его железная выдержка, он, пожалуй, овладел бы Жуань Мянмянем еще раньше.

Но сейчас его плоть пульсировала от нетерпения, требуя заслуженной награды.

Уложив парня лицом вниз, он принялся целовать его гладкую спину и вошел в него резким, неожиданным толчком.

— Нет! — разнесся по комнате пронзительный, полный боли крик Жуань Мянмяня...

Игнорируя его мольбы, мужчина продолжал свое дело. К полуночи голос Жуань Мянмяня совсем охрип, но Бай Сяо, казалось, не мог насытиться, заставляя его двигаться в самом первобытном ритме, будто слепца. Лишенный зрения, он стал острее ощущать остальные чувства, и мужчина, сменив угол, вошел в него снова...

Хотя галстук давно развязали, глаза Жуань Мянмяня застилала слезы, размывая всё перед ним. То ли от слез, то ли от пота лицо Жуань Мянмяня покрылось блестящими дорожками, и сам он выглядел до жалко.

— Мы... уже вместе отправились в ад.

Голос Бай Сяо звучал как приговор из преисподней, ежесекундно напоминая Жуань Мянмяню о реальности.

— Чжаныцзи, Чжаныцзи! Голос, зовущий у самого уха, заставил Жуань Мяньмянь в ужасе очнуться от кошмара, а его расфокусированный взгляд никак не мог поймать фокус.

Косые лучи заходящего солнца проникали в комнату — настал вечер. Теплый золотистый свет словно бы стирал реальность недавнего кошмара, превращая его в плод воображения, и лишь спустя долгое время он смог разглядеть стоявшего перед ним Бай Сяо.

— Отец... отец?

— Что, приснился кошмар?

Увидев побледневшее лицо Жуань Мяньмянь и его отрешенный взгляд, казалось, готовый пронзить его насквозь, Бай Сяо задал вопрос равнодушным голосом, в котором проскальзывали неясные нотки:

— Что тебе приснилось?

— Ни... ничего...

[Я вовсе не рекомендую этого кандидата, он занимает девяносто шестое место, и этот мужчина совершенно безумен! Ты пока еще не умеешь как следует контролировать его способности. Пусть гонки для него всего лишь хобби, он ничуть не уступает профессиональным гонщикам, но из-за своего взрывного характера вечно ввязывается во всякие непредвиденные ситуации, за что его и прозывают «Бешеным гонщиком».]

[Разве такой человек может стать Мастером обольщения?]

[Конечно, сколько мужчин и женщин теряют рассудок и визжат от восторга перед его дерзкими выходками! Его главное оружие соблазнения — безумие! Только не говори, будто я тебя не предупреждал: позволить ему вселиться в твое тело — смертельно опасная затея.]

[Выберу его! Против Ян Лю этого будет более чем достаточно!] Главное — уметь мгновенно прикончить врага. В черно-белом мире Жуань Мяньмянь Ян Лю, будучи злодеем, без всяких сомнений был занесен в графу сил тьмы. Мысли прежнего наемника, вселявшегося в его тело, научили его одной истине: враги не делятся на мужчин и женщин, любые угрозы нужно вырезать на корню с самого начала, а самое главное — действовать быстро, точно и безжалостно!

Жуань Мяньмянь был затворником из двадцать пятого века, который в обычной жизни, помимо роли всеобщего жилетки для подруг, мог искать острые ощущения лишь в видеоиграх да интернете. Теперь же дремавшие в нем зачатки азарта наконец вырвались наружу благодаря этому стечению обстоятельств, являя миру зарождающуюся удачу настоящего мужчины. Он считал себя просто великим: ради расплаты с врагами из прошлой жизни он был готов и на тяготы лишений, и на унижения, и на внедрение в стан врага с последующим уничтожением каждого поодиночке. Если после всего этого ему не удастся снять проклятие девственника, он падет перед лицом неба и земли и посрамит чистоту своих ста жизней телесной и душевной невинности.

[Этого более чем достаточно, даже с перевыполнением плана справится...] Запретная книга сочла, что уже достаточно предупредила своего подопечного, а дальше оставалось лишь запастись попкорном и предвкушать дальнейшее выступление Жуань Мяньмянь.

Жуань Мяньмянь умудрялся делать два дела одновременно: продолжая противостоять Ян Лю,

он мысленно общался с Запретной книгой, при этом сохраняя на лице холодное, сдержанное и чертовски соблазнительное выражение лица под стать Мастеру обольщения — поистине качественный скачок в развитии! И Пиньго пристально смотрел на поднимающуюся перед ним Жуань Мяньмянь. Если раньше он воспринимал его лишь как друга детства или забавного компаньона, то за годы общения эти чувства испортились. К тому времени, как он это осознал, отступать было уже поздно: каждое движение Жуань Мяньмянь заставляло его желать грубо завладеть им, жестоко наброситься, наблюдая, как тот задыхается под ним, являя собой соблазнительную, прелестную картину.

В месте, скрытом от чужих глаз, И Пиньго сжал кулаки так, что на тыльной стороне ладоней натянулись вены, и горько усмехнулся про себя. С каких это пор он стал мыслить шаблонами жеребца и превратился в существо, ведомое лишь низменными инстинктами? Не то чтобы он никогда не видел красавцев или не прикасался к своенравным мужчинам и женщинам.

Но Жуань Мяньмянь пробудил в нем жажду завоевания. Быть может, это чувство к другу детства казалось запретным, и внутреннее желание бушевало вовсю — подчинить себе этого мужчину, который вечно прятал свою истинную природу, словно загадка. И Пиньго бросил многозначительный взгляд на сидевшую рядом девушку.

Девушка, похоже, была хорошо знакома с И Пиньго: сначала она изумленно замерла, но быстро всё поняла и кивнула. Словно невзначай бросив взгляд на Жуань Мяньмянь, она подумала: а она-то считала молодого господина И особенным — хоть он и предавался развлечениям, но всегда знал меру и не позволял себе распускать руки со всеми ними, этими товарами. Оказывается, втайне он такой же беспринципный человек, раз решился проверить с собственным другом детства столь грязное дело?

Ян Лю воочию видела, как Жуань Мяньмянь медленно приближается к ней. Каждый его шаг заставлял сердце замирать в ужасе, словно она была добычей, которой не суждено вырваться из лап.

Этот мужчина был слишком страшен. Ян Лю горько жалела, что перед приходом сюда как следует не навела справки об этой компании мажоров. Откуда вообще берутся такие мужчины? Ей даже казалось, что он может ее убить.

— Ты знаешь, как меня зовут?

Ян Лю затрясла головой, словно китайский барабанчик. Стоило Жуань Мяньмянь сделать шаг вперед, как она отступала на шаг назад, пока не уперлась спиной в стену, где и замерла, содрагаясь всем телом и плотно прижавшись к холодной поверхности.

Мажоры умолкли, даже выражения на их лицах застыли. Неужели в Бай Чжаньцзи кто-то вселился? С чего вдруг он эволюционировал в суперсаяна?

Правда, сами мажоры не догадывались, что в каком-то смысле они были близки к истине!

Жуань Мяньмянь уже подошел вплотную к Ян Лю, преградив ей путь вытянутой над головой рукой, и отброшенная им тень полностью накрыла ее хрупкую фигурку.

— Моя фамилия Бай.

Ян Лю страшно испугалась, вскинула руки, пытаясь оттолкнуть Жуань Мяньмяня за грудь, и ее широко раскрытые глаза выражали густой, непроглядный ужас. Бай... Чжаньцзи... Оказывается, это и правда был он! Увидев, что Ян Лю ничего не отвечает, Жуань Мяньмянь продолжил сам:

— Тебе это имя кажется знакомым? Верно, я ведь тоже отлично знаю твоё. Скажи... как мне тебя отблагодарить?

Его прежняя прохладная и завораживающая манера вмиг сменилась так, будто внутри вспыхнуло ледяное пламя, готовое испепелить всё живое в поле зрения. Это было безумие на грани абсолютного спокойствия. Уловив этот отрешённый, почти безумный взгляд, от которого кровь стыла в жилах, она в ужасе отшатнулась. Его чёрные зрачки напоминали тусклую ртуть — гладкую, лишённую всяких волнений, но в то же время похожую на морскую гладь после бури: стоило чему-то упасть на неё, как это тут же разрывало на куски. Эта бездна вселяла в неё суеверный страх.

Невеста прямо у него на глазах заводит ребёнка от другого мужчины... Любой нормальный мужчине не стерпел бы подобного позора. Ян Лю наконец поняла, в чём заключался её главный просчёт: она совершенно не ожила, что этим мужчиной окажется Бай Чжаньцзи!

Неудивительно, что он решил так публично унижить её!

Убрав руку и заметив, как Ян Лю от страха лишилась всякого рассудка, Жуань Мяньмянь позволил себе жестокую усмешку:

— Вам ведь осталась всего одна победа до чемпионства, верно? Раз уж у госпожи Ян такая железобетонная уверенность, вы ведь не будете против, если я побуду игроком вашей команды-соперницы? Расслаблялся столько времени, пора бы и косточки размять.

С каких это пор он умел гонять?

Окружающие в недоумении переглянулись и посмотрели на И Пиньго — среди всех собравшихся именно наследник клана И и старший молодой господин Бай были неразлучны, как тень и тело.

И Пиньго совершенно не обращал внимания на окружающие вопросы, всё его внимание было приковано исключительно к Жуань Мяньмяню.

Долгое время спустя, когда зрители наконец вышли из оцепенения, навязанного аурой Жуань

Мяньмяня, они обнаружили, что оба главных участника куда-то исчезли.

— Чжаныцзи... неужели он и правда собрался участвовать в гонках?

— Да он же даже водить боится, какие ему гонки, шутки шутите...

Несколько приятелей с трудом обрели дар речи. Они собирались сказать что-то ещё, как вдруг из динамиков донёлся голос ведущего гоночного трека:

— О-о-о! Команда Скрытая Тень производит замену! Они выставили незнакомого парня вместо одиннадцатого номера, на которого все возлагали такие надежды. Неужели это тёмная лошадка команды Скрытая Тень?.. Ого! Мы слышим, как трибуны дружно ухают и свистят — судя по всему, зрители крайне недовольны таким решением!

— Убирайся отсюда! Я столько денег на это поставил!

— Какого чёрта, откуда этот сопляк взялся? Тебе тут не место!

— Проваливай, проваливай!

Больше всего организаторы чёрных гонок боялись не раскачать публику. Поддавшись азартному возбуждению, потерявшие голову зрители делали всё более крупные ставки, и организаторы оставались в выигрыше при любом исходе.

А мажоры по своим каналам уже узнали, что ставки на победу команды Ян Лю против Скрытой Тени давали коэффициент один к десяти. Чаша весов давно склонилась в пользу Ян Лю, и никто в здравом уме не ставил на Жуань Мяньмяня.

Под гул и гневные крики зрителей ведущий со знанием дела подлил масла в огонь:

— Прошу оператора навести камеру на нового одиннадцатого номера команды Скрытая Тень. Выдержит ли он давление трибун?..

На огромном экране появилось ленивое и беззаботное лицо Жуань Мяньмяня. Словно зная, что объектив устремлён на него, он тронул уголки губ едва заметной насмешливой улыбкой, а затем приложил изящный палец к губам.

Это простое движение подействовало на стадион так, будто кто-то нажал кнопку выключения звука — шумная толпа мгновенно затихла.

— Ставлю сто миллионов на себя. Если не хотите проиграть с позором — сидите тихо и не позорьтесь!

Дерзкие, наглые слова пронесли над всем стадионом. Презрительный взгляд Жуань Мяньмяня скользнул по команде Ян Лю, а каждое слетевшее с его губ слово заставляло соперников бесноваться от ярости.

— Ублюдок, да как ты смеешь нас недооценивать! Кем ты себя возомнил?!

— Да я за руль сел раньше, чем ты от материнской груди отлучился!

— Что за выскочка, больно высоко нос задрал!

— Хватит меня держать, я набью этой выскочке морду! Он явно ни в грош не ставит нашу команду Ян Лю.

Члены команды Ян Лю покраснели от гнева, изрыгая проклятия, готовые в любую секунду броситься на Жуань Мянмяня с кулаками. Заметив их яростный пыл, Жуань Мянмянь прищурил свои узкие, манящие глаза, в которых мелькнула игривая насмешка, и бросил взгляд на стоявшую в рядах команды растерянную Ян Лю:

— Ну же, идите сюда. Я уж было подумал, что эти барышни, позволяющие командовать собой женщине — сплошь бесхребетные девчонки. Что, не идёте? Быстрее, идите сюда! Чего застыли? Или такая толпа боится одного меня?

Эти вызывающие слова всколыхнули в мужчинах первобытную ярость, заставив забыть о любых правилах.

— Смерть ищет! Плевать на дисквалификацию, я выбью из него всю дурь!

— Вперед, разорвите его поганый рот!

— Всем стоять на месте! Кто рыпнется — лишится всех призовых и навсегда вылетит из гоночной команды клана Ян!

В этот критический момент Ян Лю проявила куда больше хладнокровия, чем остальные. Она даже не смотрела в сторону Жуань Мянмяня, словно опасаясь окончательно сорваться в пропасть.

<http://bllate.org/book/20974/2129087>